

³⁰ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) — публицист и историк, редактор журнала «Вестник Европы», действительный статский советник.

³¹ Колосов Евгений Евгеньевич (псевд. Колари) (1879–1937) — член партии социалистов-революционеров, историк революционного движения в России, при советской власти начиная с 1925 года подвергался репрессиям.

³² «Книжный вестник» — критико-библиографический и книготорговый журнал, выходил в Петербурге 2 раза в месяц в 1860–1867 годах. Основатель — Ю. М. Богусевич. В разные годы редакторами были Н. А. Сеньковский, Н. С. Курочкин.

³³ В библиографическом указателе, составленном Е. К. Сивковой, для статьи «Обозрения журналов „Вестник Европы“, 1866, кн. 1, 2 и 3», опубликованной в «Книжном вестнике» (1866. № 18–19. 15 окт. С. 372–378) без подписи, определено авторство П. Л. Лаврова (П. Л. Лавров: Библиографический указатель / Отв. ред. Б. С. Итенберг; сост. Е. К. Сивкова. М., 1987. С. 20).

³⁴ В указателе Е. К. Сивковой о статьях «Современная журналистика», напечатанных в «Книжном вестнике» (1866. № 21–22. 15 нояб. С. 416–420 (статья первая); № 23–24. 30 дек. С. 455–459 (статья вторая); обе — без подписи), находим, что они принадлежат перу П. Л. Лаврова (П. Л. Лавров: Библиографический указатель. С. 20).

³⁵ Афанасьев-Чужбинский (наст. фам. Афанасьев) Александр Степанович (1816–1875) — русский и украинский поэт, писатель, этнограф, переводчик с польского и французского языков. «Заграничный вестник» редактировал в 1864–1867 годах.

³⁶ Спенсер Герберт (Spencer Herbert; 1820–1903) — английский философ и социолог. Имеются в виду его «Опыты научные, политические и философские».

³⁷ Сильчевский Дмитрий Петрович (1851–1919) — библиограф.

³⁸ Речь идет о Поле Брока (Paul Pierre Broca; 1824–1880) — французском хирурге, анатоме и антропологе, этнографе. Основал Общество антропологии в Париже (1859) и журнал «Антропологическое обозрение» («Revue d'anthropologie», 1872), а также музей и школу.

³⁹ Возможно, имеется в виду Джордж Уорд Гэнт (Hunt; 1825–1877) — английский государственный деятель, в 1857 году избран членом палаты общин, где примкнул к консерваторам; в 1868 году был канцлером казначейства.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-201-215

А. М. РЕМИЗОВ. «ФИГЛИ-МИГЛИ». «ГОРОСКОП»

(ПУБЛИКАЦИЯ © А. С. УРЮПИНОЙ)*

Рукописи рассказов А. М. Ремизова «Гороскоп» и «Фигли-Мигли» поступили в отдел рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) в 2012 году, в составе архивных материалов писателя, хранившихся в семье его литературной ученицы и близкого друга Натальи Викторовны Резниковой. «Гороскоп» был обнаружен среди глав, не вошедших в окончательную редакцию произведения «Петербургский буерак», а «Фигли-мигли» — в россыпи произведений малых жанров. По своему содержанию, стилю и композиции эти рассказы явно примыкают к комплексу «взаимопроникаемых»¹ коротких миниатюр, пользуясь авторским определением, «интермедии» Ремизова «Мышкина дудочка» (1953), сформированной из отдельных малых прозаических форм на основе принципа «курметража» (от фр. court-métrage — короткометражка).²

* Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда: проект № 22-28-00165 «Первая волна русской эмиграции в 1940-е — 1950-е гг.: культурные институции и межличностные коммуникации (по материалам архивов А. М. Ремизова)»; <https://rscf.ru/project/22-28-00165/>, ИРЛИ РАН.

¹ Впервые на «взаимопроникаемость» мира «Мышкиной дудочки» указал критик Ю. Терапиано в рецензии на отдельное издание произведения (Новое русское слово. 1953. 14 июня. № 15023. С. 3).

² Ремизов А. М. Мышкина дудочка // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак. С. 3–172.

Текст рассказа «Фигли-Мигли» сохранился в архиве писателя в виде белого автографа и идентичной ему авторизованной машинописи.³ Текст «Гороскопа» представлен только авторизованной машинописью, для которой писателем была изготовлена специальная обложка с графическим рисунком.⁴

Место действия этих новых сцен ремизовской «интермедии» то же, что и во всех главах «Мышкиной дудочки», — «богатый чудесами», «заваянный чаромутием» парижский доходный дом № 7 на улице Буало, где Ремизов и другие жильцы продолжали квартировать в годы немецкой оккупации (1940–1944). В художественном пространстве Ремизова это хрупкое пристанище, ставшее для многих его обитателей последним, силой авторского слова словно заговорено от опасностей и тягот военных лет. Все населяющие его жильцы — «кудесники и волшебники». Среди них и «первый чародей из всех чародеев» — драматург и режиссер Н. Н. Евреинов, и «кудесник»-«чернокнижник» востоковед В. П. Никитин, и «подлинно Волшебник» жилец Железный,⁵ портрет которого, по словам повествователя, «можно поместить в любом Оракуле, Календаре и Соннике», и «василиско-глазая Костяная-нога» (консьержка), и, конечно, сам автор. В этом доме свершаются чудеса: «единственный во вселенной» ночной горшок графолога Аксолата светится; пишущая машинка учительницы Семякиной превращается в стаю маленьких серых алжирских мух; студень Железного — в миллион «камушков для зажигалки»; а под чарами приворота и «кость-древо-каменной магии» на новолуние знаменитый Леонид Лифарь начинает симпатизировать скромной художнице Листин. В итоге образ дома № 7 «соединяется с образом его мифологического архетипа — Дельфийского храма, где находился знаменитый Оракул, и трансформируется в образ-символ „Буалонского оракула“».⁶

Герои рассказов «Фигли-мигли» и «Гороскоп» органично вписываются в общую картину этого чудесного мира. В первом из них действуют персонажи, уже знакомые читателям «Мышкиной дудочки» — Африканский доктор (В. Н. Унковский), бабка Ковалевская, Елена Холмогорова и бабушка Одолева; в «Гороскопе» же, помимо уже известных героев (Листин, Верховая, Анна Николаевна, Сергей и Леонид Лифари и др.), появляются новые — княжна Олсуфьева по прозвищу «Гороскоп» и влюбленный в нее русский эмигрант по прозвищу «Пакт». Как выясняется по ходу повествования, эти персоны хорошо известны обитателям дома номер 7, а в княжне-пророчице и вовсе можно признать главную жрицу-пифию «Буалонского оракула». Сюжетные мотивы и темы «Гороскопа» и «Фигли-мигли» перекликаются с отображенным в «Мышкиной дудочке». Так, неуклюжая влюбленность «Пакта» в княжну Олсуфьеву напоминает о попытках художницы Листин завоевать доверие брата «великого Лифаря» — Леонида, а описанная в «Фигли-мигли» гроза глубинно связана с главным для «Мышкиной дудочки» лейтмотивом бурного ненастья. Последний обозначен автором уже в предисловии к «интермедии», где писатель определяет жанр произведения как «смешное действие среди бурь трагедии» и называет время оккупации годами «вихря и убыли».

Причины, побудившие Ремизова не включать полностью подготовленные к публикации тексты обеих миниатюр в окончательный текст «Мышкиной дудочки», неизвестны. Вероятно, в некоторой степени на подобное решение писателя могло повлиять особое раскрытие в этих текстах ряда ключевых для интермедии образов. Напомним, что в «Мышкиной дудочке» мотив непогоды сопровождает одну из стержневых тем — тему гибели: время оккупации («вихря») — это годы «торжествующего шествия смерти». Но если в начале «Мышкиной дудочки» автор рассуждает о своей «заживопогребенности» в метафорическом смысле, то в «Фигли-мигли» эта метафора материализуется: бабка Ковалевская, попав в грозовую воронку, на рассвете просы-

³ ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 189 (автограф), 193 (машинопись).

⁴ Там же. Ед. хр. 43 (обложка), 62 (машинопись).

⁵ Под ремизовским прозвищем *Железный* выведен К. Д. Зеленский, брат Е. Д. Унбегаун («Верховой»), проживавшей на пятом этаже того же дома.

⁶ *Грачева А. М.* Басни, кошуны и миракли русской культуры («Мышкина дудочка» и «Петербургский буерак» Алексея Ремизова) // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 420.

пается в чужой могиле. Таким образом, в этой ремизовской истории смерть, словно издеваясь над героиней, торжествует свою победу. С одной стороны, можно подумать, что этот новый сюжетный эпизод в целом вписывается в общую канву «Мышкиной дудочки», однако в нем уж слишком буквально предстает «торжествующее шествие смерти», что явно противоречит основной идее произведения, согласно которой победа Смерти — лишь кажущееся марево. Ее «вихревому» торжеству в «Мышкиной дудочке» противопоставлено чудо жизни; и как напоминание на страницах книги регулярно возникает важнейший его символ — яйцо. Блошинные яйца обнаруживаются в бобрике Железного и извлекаются из уха Овчины;⁷ два куриных яйца приносит автору в дар его сосед — Иван Павлович Кобеко; только «змеиным кушаньем» (яйцами) питается подвижница Нонн, и на ее же подоконнике свершается чудо — из яйца вылупляется «солнечный пасхальный цыпленок». Эти же «яичные» образы обобщаются, сводятся вместе и в тексте миниатюры «Гороскоп». Однако в этом рассказе образ яйца получает новое наполнение, не соответствующее общему звучанию «Мышкиной дудочки»: яйцо становится символом обиды на жизнь в целом. Кроме того, яйцо в «Гороскопе» интерпретируется и как эротический образ («скопец» «Пакт» «остается без яиц», а «Гороскоп» «мучается яйцами»).⁸ Таким образом, хотя миниатюры «Гороскоп» и «Фигли-мигли» по своим героям, месту действия и тематике формально были близки к «Мышкиной дудочке», но трактовка представленных в них тем противоречила основной направленности ремизовской «интермедии». В обоих рассказах слишком откровенно и безнадежно звучали темы смерти и обиды на жизнь, которые в «Мышкиной дудочке» автор старался уравновесить, противопоставляя им любовь «ко всему живому» и веру в творимое человеком «чудо».

В 1945–1953 годах рассказы-главы «Мышкиной дудочки», еще не вышедшей отдельным изданием, активно печатались в различных газетах («Рабочее слово», «Дело», «Новое русское слово») и журналах («Новоселье», «Грани» и др.). Наличие авторизованной машинописи рассказов «Фигли-мигли» и «Гороскоп» указывает на то, что Ремизов планировал опубликовать их в каком-либо периодическом издании как самостоятельные рассказы. Но в персональных библиографических справочниках данные об их издании отсутствуют, хотя потенциально возможно выявление их публикации в эмигрантской периодике, выпавшей из поля зрения библиографов. В настоящее время не удалось обнаружить никаких точных указаний на то, что писатель предпринимал какие-либо конкретные попытки опубликовать тексты обеих миниатюр, написанных еще во второй половине 1940-х годов. В итоге «Фигли-мигли» и «Гороскоп» так и остались лежать в писательском архиве.

Тексты рассказов публикуются впервые по авторизованной машинописи: ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 193 («Фигли-мигли»), 62 («Гороскоп»). Тексты воспроизводятся в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации с сохранением характерных особенностей ремизовского синтаксиса и написания отдельных слов, в редких случаях с восстановлением необходимых слов и знаков препинания в угловых скобках.

ФИГЛИ-МИГЛИ¹

В тот год запомнились две грозы: весенняя — чувствительная для Одолевой² и Ковалевской,³ а другая — летняя, от которой пострадал Африканский доктор.⁴

⁷ *Овчина* — под этим именем выведен друг А. М. Ремизова — князь А. В. Оболенский. Одна из ветвей его княжеского рода носила фамилию Овчина-Оболенский.

⁸ Прототипами «Пакта» и «Гороскопа» были реальные люди — парижские эмигранты. Скорее всего, в 1950-е годы они были еще живы, поэтому их могла серьезно обидеть публикация этого текста. Так, известно, что эмигрант, прозванный Ремизовым «Пактом», состоял в рериховском обществе (он упомянут в ремизовских книгах «Дневник мыслей» и «В розовом блеске»); он также навещал писателя в последний год жизни Серафимы Павловны.

1

Африканский доктор в канун своих именин в самом веселом духе — завтра придет Сургучев⁵ и Одарченко⁶ и с утра будут пить, весь день и до ночи, Африканский доктор поздно вечером на Av<enue> de Versailles переходил через улицу, к булочной, и тут не знай как, налетел на него автомобиль и, ударив крылом, поднял на воздух.

Африканский доктор силой толчка летел сорок километров и очнулся в Руане. Ажан⁷ подобрал его и отвез по местожительству в госпиталь Бусико.⁸

2

Прощальный вечер: бабушка Одолева, бабка Ковалевская и Холмогорова.⁹ Читали о чувствительной повести Карамзина.¹⁰

Гроза все усиливалась. Раскаты, а в окно стучит дождь. За чтением не чувствительно. Стало как будто утихать. Десять часов — пора по домам. Зонтиков ни у кого. Каждая сделала себе колпак из цельного <sic!> Фигаро,¹¹ а Холмогорова нарядилась в мое теплое пальто — она сверзилась со стола перед Пасхой, моя лампочку, и ребра у нее треснули, надо было потеплее, а пришла налегке — в летнем.

В дождь все вышли ряженными под защитой колпаков. Бабушка Одолева — в Клармар,¹² Холмогорова — к Сергиевскому подворью,¹³ а бабка Ковалевская — соседка.

Бабушку Одолеву в метро на Issy-les-Moulineaux¹⁴ залило водой, и ее вылавливали баграми. И ничего на ней не осталось — все сорвали, до чулок — и есть только колпак.

Ажан провел ее за руку домой.

Семен Павлович всплеснул руками:

«С нами крестная сила!» А вот знать и крестная сила — ничего, один колпак Figaro.

Милица Васильевна высушилась и отогрелась, варит варенье из лесной земляники.

А бабка Ковалевская и чего понесло ее, глядя на дождь, прощаться к знакомым, подходила к Трокадеро. Молния ударилась в стену кладбища в Passy — у Башкирцевой.¹⁵ Закружил вихрь, Ковалевская попала в воронку и очнулась на рассвете в чужой могиле.

Холмогорова в моем пальто вернулась домой благополучно: мое пальто под дождем выветрилось, и вся моль вылетела по дороге, остались кое-какие червячки — их она тут же раздавила пальцем.

Месяц травил меня гарденамом. И мне ничего не остается, как только записывать чудные нашей жизни — теперешнее и из недавнего прошлого.¹⁶

ГОРОСКОП

С «Гороскопом» меня познакомила «Блаженная Кошатница».¹⁷

«Княжна Олсуфьева», — сказала она значительно, ей очень нравилось выговаривать знатный титул своей знакомой, на самом деле никакой «княжны», а просто Олсуфьева.

У «княжны» все было до такой мелочи мелко, не о чем повторить себе, и только глаза. Я не удержался и сказал:

«Какие глаза!»

Глаза были больше всей остальной мелочи, а, кроме того, они мне напомнили глаза «Блаженной», когда на мой крик — всякому терпению, даже моему, положен конец — она, в исступлении глядя на меня, кричала: «узнаю ли я ее?» — она хотела сказать, вспомнил ли я ее из той жизни, из прежнего нашего воплощения, когда мы с ней встретились и она любила меня больше всего на свете.

И как это понятно, что «Блаженная», а не «Акула» — встреча около дверей Акулы — познакомила меня с «княжной».

«Блаженная» сорвала себе мысли на оккультизме, любимое ее чтение, на «Преддвериях магии»,¹⁸ «княжна» паслась в стаде «Кришны» и запуталась в индийских абстракциях. Обои казалась ясным и понятным их наука <sic!>, их высшее знание, но передать своими словами они никак не могли, и сколько раз я допытывался, слушаю внимательно, и все какие-то обрывки и ничего, хоть приблизительно, не получается. Не от природной бестолковости, обе вовсе не глупые, а от спутанности — вершины не всякому доступны, и лучше было совсем не лазить, но что поделаешь, и это тоже не зря: потянуло. И ни с кем, только с ними говоря, я всегда раздражался.

В их путаных ответах мне звучало что-то вызывающее, они меня не слушали, а скорее не слышали. Им казалось, что я их презираю. Чем бы кончилось с «Блаженной» я не скажу: ее арестовали, как англичанку или, как она говорила, с чувством: «великобританская подданная», из лагеря она попала в Sainte Anne¹⁹ и там померла. А «княжна» на меня обиделась за «гороскоп». И с тех пор я стал ее звать «Гороскоп».

Она составляла гороскопы, и «гороскоп» повторялся в ее разговоре без всякой надобности. «Гороскоп», как теперь я думаю, был единственным ее спасением: он собирал ее расстроенные мысли. Она обиделась на меня за то, что я «смеюсь» над ней — над ее «несчастьем».

«Смеюсь над несчастьем!» Один только случай был в моей жизни — то же самое обвинение, это когда мы жили до Парижа в Берлине. Часто у нас бывала «Бирюлька» <,>²⁰ она вроде «Утенка»,²¹ растерявшаяся, у «Утенка» муж помер, а «Бирюльку» муж бросил. Однажды получаю письмо: «Бирюлька» обиделась — я «смеюсь над ее бедностью!»

У «Гороскопа» есть ритмический дар; такое бывает у одержимых, даже по природе лишенных слуха, все «бесноватые» необыкновенно ритмичны и в речи, и в движениях. «Гороскоп» мог бы заниматься переводами, а она занята черной работой — немцам уборные чистит. (Только к концу оккупации ей посчастливилось сделать телефонисткой). И есть у нее на сердце обида, которую она не может изжить. Это чувствуется. Как над бедностью «Бирюльки», так и над несчастьем «Гороскопа», что хотите, но разве это в моем <характере>?

Работая по уборным и воюя со «старшей» (на каторге всегда найдутся «старшие», не хозяева, измываться над подчиненными), она проникла на кухню и тайком приносит со службы корм Акуле, нашей соседке <,> и нам: обыкновенно густой суп и всякие окуски и объедки. И я всегда принимал, как воистину Божий дар. (В день освобождения и таких будут брить: в торжестве и гневе некогда разбирать, поломойка или фря).

И вдруг «Гороскоп» пропал, знаю Акуле носит, а к нам не поднимется. И с год не показывалась, а это был как раз самый тягчайший для меня год — мне казалось силы небесные оставили нас — какой там еще «загробный ад»: я был свидетель человеческой муки и бессилен был помочь, беря на себя все и готовый согласиться на все. И только всего раз «Гороскоп» пришел на Пасху с «яичком» — надутая и не глядя: ее обида отводила от меня ее глаза. А пришла она с «Листином» — тоже с помесью: свихнулась на Лифаре.

От «Листина» я и узнал всю подноготную о обиде <sic!> «Гороскопа» и в чем я обвиняюсь: оказывается все произошло из-за яиц, а я не только не ел этих яиц, но и в глаза не видал, впрочем, они самые обыкновенные, куриные.

Жил в Париже «молодой человек», ну, ему было лет 50 — в эмиграции стареют и молодеют по-своему, и про пятидесятилетнего говорят «мальчик».

«Молодой человек» наш общий знакомый, известный под именем «Пакт», говорят, что это я дал ему такое прозвище, ничего подобного, он сам олицетворял это слово «Пакт»: «Рериховский Пакт», их всех отличить можно: «скопец» и один длинный волосок, как хвостик, висит слева. По тихости и скромности его можно сравнить с К. В. Мочульским «Караимом», а по деликатности он всех превзошел, разве что М. А. Струве, да и Струве перед ним аспид, по услужливости как сам «Гороскоп» и аскет «блудоборец», как когда-то в Петербурге в первую революцию (1905 г.) А. В. Карташев²² и В. В. Успенский,²³ состязавшиеся в воздержании до упомощения.

В Петербурге он учился в Тенишевском²⁴ с Сувчинским²⁵ и В. Набоковым,²⁶ а в Париже он «профессор международного права», враг Миркина-Гицевича,²⁷ враг скорее доброжелательный, чем «гонитель» и «подкапыватель».

«Пакт» мечтал сделаться дипломатом и натурализовался и уже французом искал всякие пути отли<чи>ться. Обыкновенно летом он ездил в Биар<р>иц, где можно было встретить принца Уэльского, правда, путешествовал не в сезон, на сезон надо большие деньги, но в рассказах всегда поминал Биар<р>иц, а кто там разберет, с принцем ли Уэльским или с консьержем с Мотодора²⁸ он проводил свой «ваканс» (каникулы). Он как-то и руку научился подавать не «совочком», как Суханов,²⁹ и не от сердца, как Чижов,³⁰ а непосредственно из-под задницы: и пухло, и рыхло-воздушно. Я думал, что тут так принято, но за годы убедился, что не всякий и не со всеми. Конечно, дипломату залезать всей пятерней в чужую ладонь неприлично.

Нашлась и дипломатическая практика.

Н. К. Рерих, обуянный манией величия — среди художников явление не исключительное, вспомните нос Бориса Григорьева, среди писателей реже — в России Брюсов, ему подражал Гумилев, а здесь — один Великий Муфтий³¹ да Ладинский,³² а остальные — необуянные «бахрахи».³³ Рерих основал «Палату» (по образцу обезьяньей — «обезвельволпал») или «Орден» — «Охрана памятников искусства». И как глава Ордена, «учитель», как в закиде величал он сам себя, вступил в разговоры со всеми государствами.

Наш кротчайший «Пакт» произведен был представителем Ордена во Франции. Сооружено было знамя, изготовлена печать, стопа орденских бланков и портреты Н. К. — портреты предназначались для рассылки главам государств, подписавших «Рериховский пакт».³⁴ Рассказывали смешную историю с портретом, поднесенным Президенту Республики, как этот портрет Н. К., после основательной вылежки в канцелярии, водворен был в Префектуре в Кэмпере.³⁵

«Пакт» перенял Рериховскую манеру правой рукой передергивать. Рерих, по природе косноязычный, словам помогал, а «Пакт» из преданности к «учителю». С утра до ночи таскался он по всем здешним консульствам и посольствам. «Рериховский пакт» дело безобидное и очевидное<.> «Охрана памятников»! — но почему-то пакт подписывали все мелкие государства, которым говорилось, что «великие державы» не то подписывают, не то подпишут. И всякий раз как какой-то шах или черный дагомейский король подпишут, «Паку» за хлопоты орден. И в короткое время «Пакт» получил столько звезд и зверей, прицеплять некуда. У него был и сиамский Слон, и персидский Лев, да из обезьяньей палаты Саламандра.

В ресторане Корнилова³⁶ на двадцатипятилетие Лифаря, я сразу узнал на «Пакте» и огненную саламандру и персидского Льва — зеленая лента. Когда в Москву приезжал шах Наср-Эддин,³⁷ потом не было в Москве околоточного, и даже наш, Рогожской части, Басаврюк,³⁸ все украсились львами и солнцами, зеленое с детства помню. Милюков³⁹ обратил внимание — тоже московская память — и таким образом «Пакт» познакомился с Милюковым.

«Пакт» ходил на все похороны и панихиды по «в Бозе почивших», и если даже его имя не попадало в перечень «присутствовавших», все равно случай побыть в числе высокопоставленных, правда «бывших», но кое-кто еще сохранил и свое положение и вес. Он записался в члены Исторического Общества и познакомился с председателем Андреем Владимировичем⁴⁰ и другими «как великими, так и невеликими князьями». В Париже, конечно, великий князь — «дюк» — «гранд дюк» и никаких последствий, но русская традиция «ваше высочество» и дипломату для разговора, что Биар<р>иц.

Милюков, великий князь, это уж приоткрытые двери; консульства и посольства с орденами — первая ступенька. Занялся «Пакт» и церковными делами и, как член приходского совета, бывал в делегации у митрополита. Знакомство с митрополитом никогда не мешает. Смело подымайся на вторую ступеньку. Рериху он всякий день писал донесения и отчеты, от Рериха в ответ указы. Все было налажено, как в самой образцовой канцелярии. И вдруг война и всему конец и пропад.

Как натурализованный,⁴¹ «Пакт» был призван. В России он подпрапорщик, а здесь нижний чин. В Денкерхене⁴² при отступлении, когда не оставалось офицеров, он ко-

мандовал, ползя на животе, сорок пять часов. Много страху хлебнул, но жив остался. Попал в плен, но по дороге монашки обрядили его монахиней, и он благополучно пробрался в Брюссель, а из Брюсселя, но уж в мужском обличи, в Париж; по-немецки говорит, это облегчило ему путь, да в начале оккупации рогаток таких не было, как потом, когда что ни ночь, то взрыв, а среди бела дня бомба и след простыл, а завтра все мы под наказанием: весь день не велят со двора выходить.

Что случилось с Рериховским Орденом, уцелел ли хоть какой «пакт» о охране, или в бомбардировку все в пыль, как тому и надо, все ведь вышло не из любви к искусству, а из честславия <sic!>, самого суетного пустого человеческого чувства.

А ордена уцелели. И в праздники в приходской церкви на Лекурб⁴³ вы можете полюбоваться: весь пестрый в ленточках «Пакт» на обедне и всенощной ходит с тарелкой, говорилось и с «блюдом».

С «Гороскопом» «Пакт» встретился у нас на кухне. Я представил ее «княжной». Лет двадцать, как разошлась с мужем, а фамилия ее была пусть отцовская, но пусть будет, как «Блаженной» показалось и хочется: «княжна». «Княжна» с первого взгляда ему очень понравилась: он по-Рериховски подергивал правой рукой и длинный хвостик двигался под улыбкой, а кроткие глаза его светились жалобно.

Имя «княжна» и необыкновенная быстр<от>а или все с рывком действовали необыкновенно. Да еще я и супом его накормил. И он не дошел и до дому, как уже называл в душе «княжну» Олечкой, а для пущей нежности к «Олечке» прибавлял «серая». В «сером» есть что-то и ластящее и нежное: «серые тучи», «серенькая мышка», «серый волк». Все эти «серые» и «серенькие» перышками окутывались в его очарованном сердце вокруг ставшего единственным для него имени «княжны Гороскопа». А дома, когда лег спать, невольно высापывалось: «Олечка» — «серая улитка». Просто он влюбился в «Гороскопа» по уши. Кстати сказать, уши у него порядочные, но не выпирают, как у Пискунка,⁴⁴ привлекая к себе единственное внимание.

«Утенок», постоянный на кухне, у Верховой⁴⁵ комнату снимал, как-то заметил, что у «Гороскопа» «мордочка звериная», а Акула назвала ее «славная кошечка», но есть ли что у «Гороскопа» от «серой улитки», не знаю, впрочем, очарованное сердце говорит правду, а, кроме того, «улитка» к сонному сапу очень кстати, передает звук: «у-лит-ка!»

Что случалось у нас от «свинячьей доли», так назывался суп и объедки «Гороскопа», они вправду предназначались для свиней, — я всегда делился с «Пактом». Он приходил на кухню, хоть и поев дома, но всегда голодный. И всякий раз, как он уписывал свинячье, я поминал с благодарностью «княжну Гороскопа», а это еще больше располагало к его «серой улитке».

Тут большая тайность: безо всякого колдовского приворота только через кушанье. Только при упоминании имени под ложку и глоток «любивник» <sic!> очаровывается и еще крепче привязывается к «предмету своей страсти».

«Гороскоп» доставал в «кантине»⁴⁶ — такая потребительская лавочка при учреждении, где она уборные чистила — яйца, масло, сгущенное молоко, чего нам по карточкам не выдавалось. Несколько раз она приносила нам кое-что из этих «ненормированных продуктов» и однажды уступила, не помню, кажется, молоко и своему воздыхателю «Пакту». Он принял банку прямо из «горячих» рук «Гороскопа»: руки у «Гороскопа» костяные, не ледышки, но никак не скажешь «горячие» — но для влюбленного других и не может быть, как только из «горячих» рук. И самое обыкновенное сгущенное молоко показалось ему таким, какого не бывает и нигде, кроме как у «Гороскопа», достать нельзя и его потянуло и еще попросить. А «Гороскоп» и еще раз дал ему еще банку, и цена не страшная, а купить нельзя.

«Гороскоп» напичкан теософией, оккультизмом и стихами. Она и сама пишет стихи. Из смеси образовалась невылазная каша. И из этой каши чувство «избранности», мечты головокружительные, конечно, больше о Индии, там ее поле действия и там она вознесется среди звезд звездой «на востоке». И вдруг, извольте, поломой — это ужасно.

Это с кого хочешь кожу дерет. Оттого у «Гороскопа» и слова все с дёргом и движения «срыву».

Она носит «парамант»⁴⁷ и спит, лежа на животе, как австралийские людоеды. И сны ей снятся особенные, не наши.

Наши сны всегда из жизни дневные, из дневных событий, днем проходящих мыслей и оброненных слов, вообще вокруг да около. А она во сне и на собрании богов побывает — ишь куда, на самую вершину Олимпа — и Грааль (чаша) ей представится. Сны ее или космические или вещие — пророческие. Предсказания ее трудно проверить, но для ее-то убеждения снятся ей вещее и все по ее сну сбывается. Она предсказала и войну, и Гитлера, и «желтого» (сожженного) Гитлера и только одного не предвидела, как сама она будет дрожать в день освобождения: «обреют».⁴⁸

Ну, кто бы из нас увидел хотя бы такой сон: передаю со слов «Гороскопа», исправляя в словах. Я читал «Пакту». «Пакт» в восторге.

«Гороскоп» весь день занят на своей поломоине, а дома, в свободные часы составлял гороскопы. Все оставались довольны. И только в последнее время работой было не похвастать. И произошло от несчастного случая.

Каким-то троем вычислила она по гороскопу «неминучую гибель».

Не обратили внимания: какая гибель не «неминучая»? Но оказалось, что бывает и не «неминучая»: в самый кратчайший срок один за другим все трое из этих обреченных по гороскопу попали действительно в список «мертвых». Нынче долго ль человеку и без гороскопа в одно мгновение ока ни с того, ни с сего исчезнуть и был или не был, даже не всякого в список запишут. Мы живем безо всякой «гарантии».

И хотя «Гороскоп» стал подделывать свои гороскопы, она всем, несмотря ни на что, сулила всякие блага в жизни, но в памяти у всех застряли ее грозные предсказания, это и отваживало. И еще круче вздергивало ее вздернутую душу и путало запутанные мысли.

Да и жизнь наша с каждым днем несуразится. Какой-то злой смех: он и всегда был, но теперь чаще услышишь и совсем где и не ждешь.

Из прошлого вспоминаю, как однажды в Киеве⁴⁹ по ошибке сел я в вагон I класса и в уголку к окошку устроился замечать дорогу, билет до Одессы. И когда открылось, что я ошибся, влез в I-ый вместо своего, с каким смехом — удовольствием меня выпроваживали и прогнали в III-й, а в III-ем, какое там у окна, напихалось народа, вагон до верху — через край.

Потом тут с каким удовольствием выпроваживали меня из «Société des gérants de lettres»:⁵⁰ я не член и, как пишущий только по-русски, не имею права быть членом общества французских писателей, а я подавал прошение — «мириться, говорю, с немичей не хочу» — и прошение не взяли.

А вот на прошлой неделе, не выдали по карточке сыр, убедив меня, что завтра могу получить — и все это мне говорилось с каким-то удовольствием. А на завтра снова больше часу я стоял в очереди, никакого сыру не оказалось — все выдано. И это «все выдано» с каким-то удовольствием и смехом вчерашних счастливых, получивших, несмотря на уверения о завтра.

И еще: когда в молочной дошла моя очередь (часовая очередь не считается, еще два часа куда ни шло, на тротуар к двери и в лавке к прилавку) усатая хозяйка сказала: «Этому ¼-ь, а всем до меня по ½ литра. И все это с каким-то удовольствием, не могу понять, чего туту <sic!> радоваться, что меня оделили. И это не в первый раз.

А вчера подрались в очереди: из нашего молочного хвоста сунулся один без очереди в масляный, и началось побоище: задний за втершимся стал его выпихивать да кулаком с карточками и дернул по морде. Пришел ажан и к удовольствию всех масляных, стал нас, молочных<, > разгонять, как зачинщиков. Так без молока я и домой вернулся, шваркнул кувшин о стол, крышка на пол.

Ну что тут смешного и кому какое удовольствие и откуда это берется злой смех и даже у несмеющихся! А без него нынче и дня не проживешь и будь всегда готов.

Жизнь наша проходила <sic!> в полный развал.

Как-то навалюсь на суп и заедаю сырными корками, я рассказывал о Рерихе. Кроме окоченелого «Гороскопа», как всегда торопящего освободить посуду, в кухне надывивали тепло Утенки, Листин и Иван Павлыч.⁵¹ Я рассказывал о Рерихе, какой это замечательный человек и несмотря на свои «мысли» никак не может выскочить в мировые люди, на что имеет все данные.

Н. К. Рерих одержим двумя мыслями — очарован двумя идеями, в которые верит, а не представляется верующим. Он хочет овладеть силами загробного мира и стать царем на Москве. Как спирт, он достиг большой власти и все богатства он получил от спиритических духов — ну как же не поверить в могущество загробных сил и прежде всего сам он поверил всем сердцем и всем помышлением. Рерих чистокровный латыш, никаким боком к Скандинавии, но как Рерих, да это варяжское — это Рюрик, а кому же и быть царем на Москве, как не Рюрику. И в свое царственное призвание он поверил всей своей верой и всем помышлением, как в свою власть над силами загробного мира.

Будущее устройство России с царем Рюриком — Рерихом Николаем Константиновичем было подробно разработано и назначены министры.

«С. К. Маковский⁵² — министр двора, — перечислял я знакомых, — А. В. Руманов⁵³ — министр земледелия, О. Г. Зелюк⁵⁴ — министр финансов, а наш „Пакт“ — министр народного просвещения».

Потом я узнал, что М. А. Таубе,⁵⁵ которого до Жеребкова⁵⁶ прочили в эмигрантские фюреры, тоже распределял министерские портфели в будущей России под иглом Гитлера, но у Таубе наш «Пакт» зачислялся по министерству иностранных дел, а министром просвещения называл Лоллия.⁵⁷ Передаю, что слышал от самого Лоллия.

Мой рассказ о Рерихе произвел огромное впечатление, внимательнее всех слушал оттаивающий «Гороскоп».

Я ей сказал, что, если ей любопытно взглянуть на последние картины Рериха, их всего две: Будда и сам Рерих в образе Сергия Преподобного — хранятся у «Пакта», и «Пакт» ей с удовольствием покажет.

Так попал «Гороскоп» на квартиру «Пакта». И вечер ее посещения стал роковым для «Пакта».

Состоялось знакомство с матерью «Пакта». «Гороскоп» ей понравился. Разожгли камин. Пили настоящий чай. Восхищались Рерихом.

И когда «Гороскоп» ушел, а каминное тепло еще держалось, это под утро будет ледник, «Пакт» размечтался. Он горячо представил себе, как женится на «Гороскопе» и освободит ее от черной работы. И пусть забавляется гороскопом, думал он, книжки читает и пишет испанские стихи. А когда все кончится, он поедет с ней в Россию, и они будут жить в Петербурге, он — министр иностранных дел (по Таубе) или народного просвещения (по Рериху), и у них будут дети, сына он назовет Жоржем, а дочь Олечкой.

На другой день над Парижем закружила такая метель, какой никогда не бывало. Хорошо в России метель, как я любил белоснежные пески. А тут пропадай. И только беда, только неволя выгонит со двора, чтобы потом с чем-то вернуться на оледенелую кухню, и обмерзлые руки подставить под ошпаривающий холодом кран — хоть что-нибудь приготовить.

Кому забрести в такую погоду?

А вот «Пакт» и сугробов не боялся, ему не терпелось рассказать о вчерашнем «Гороскопе» и как для нее зажгли камин и что понравилась матери.

Вижу и читаю за камином и за чаем, за словами и подробностями чистейшее очарование.

«Хочу попросить о яйцах?» — сказал «Пакт» и соевой уставился на меня.

«Отчего не попросить, она достанет, нам приносила. Но вам непременно надо пройти к ней!» — и поддавись свиному очарованию я невольно добавил, будто бы «Гороскоп» всякий раз с восторгом вспоминает о нем.

«Что вы говорите, неужто вспоминает», — он не сказал «с восторгом», а может и я не говорил, а только думал сказать, но все равно от умиления он совал ложку не в рот,

а мимо и густой суп ленточкой пробирался по нем<у> на пол, так, значит, потрясло его: «вспоминает с восторгом».

«Что ж, горело в нем, почему бы и не осуществиться его мечте?»

А я, чуя его мысли, хотел было предложить для крепости какой-нибудь приворот с магическими проводниками: случай с Леонидом Лифарем был у всех в памяти.⁵⁸ Но подумалось: повторение всегда скучно.

«В субботу вечером она дома! — я это из головы выдумал, — пройдите, не откладывая, да, кстати, и о яйцах».

«Удобно ли, — сказал он, — она так занята».

Но я еще раз свое:

«В субботу часов в 9, — и посоветовал не просто, а с цветами, — больше всего любите тюльпаны, не забудьте, только не махровые».

А про махровые у меня само-собой сказалось, а вышло в точку: какие, стало быть, я подробности знаю.

«И не мешает во всех орденах. Блеск — это тоже магия, как испуг и царапина» — я опять вспомнил Леонида и «носовую косточку» на выставке в Лувре, начало очарования, победа Листина, конец неприкосновенности Лифаря.

«Пакт» как-то даже вздохнул при орденах. Или «ордена» попали как раз в середину его мечты. Конечно, он будет венчаться во всех орденах. Или то, что свадьба, связанная с орденами, это только мечта, а как оно будет на самом деле. А вдруг да занимающимся составлением гороскопов жениться строго воспрещается?

И почему-то вспомнился ему случай, хоть и никакого отношения к гороскопу, как его товарищ по Тенишевскому Саша Кобылин затруднялся высказать предложение и, наконец, осмелел: «не хотите ли переменить фамилию?» А она была Курицына. И она расхохоталась. Очень обидно.

И какая-то обида вдруг стянула его лицо, словно он, не готовясь, напоролся, и без того губан, а тут оттопырился до Бахраха.⁵⁹

Мне даже стало его жалко: так он хотел жениться.

Наступила суббота.

Эта суббота — торжество смешной путаницы — роковая для «Пакта» и «Гороскопа», как для Леонида, когда в Опера, встретив Листина с астрономическими приборами, он в исступлении схватился за руку пожарного «алярма» (тревоги).⁶⁰

«Пакт» во всех орденах: персидская зеленая лента льва и солнца через плечо, в руках букет — это не букет Холмского⁶¹ с уличного лотка, а из лучшего цветочного магазина, нарочно ездил за тюльпанами на Мадлен.⁶²

Первое, что он скажет, с этого все и начнется, что только что был у великого князя Андрея Владимировича на заседании нашего Исторического Общества, заседание рано кончилось, и он решил зайти к ней. (Само собой она поймет, что это ответный визит). И тут он безо всякой подготовки, впрочем, в этом он не совсем уверен, спросит ее: «не желает ли она переменить фамилию».

Я сказал «Пакту», что в 9 ч<асов>, и он с 8-и дежурил у Eglise d'Auteuil.⁶³ По соседству с домом, где жил «Гороскоп»: ее комната на 8 этаже, разбитое окно льющее холод; кровать головой к окну.

«Гороскоп» вернулась со своей каторжной поломойни, вся издерганная — вечные ссоры — и сразу же взялась за стирку — как раз вечер горячей воды.

И когда с тюльпанами появился неожиданно «Пакт», она встретила его замысленными руками. Ведь и посадить было некуда, все было завалено мокрым. Урча, она срыву схватила букет и, не разворачивая, шваркнула на стол.

Тут бы «Пакту» и распахнуть пальто, показаться во всем блеске и ленте, а он растерялся и вместо «великого князя» бухнул про яйца: нельзя достать яиц?

«Гороскоп» на яйца ответил такой скороговоркой, словно на неизвестном языке или так, чтобы отвязаться.

«Гороскоп», когда говорит даже относительно спокойно, и то половину не разберешь: Утенок прав: особенное устройство «полости» рта — «кунья мордка».

«Пакт» не понял и опять за свое: за яйца. Яйцы заслонили ему все слова.

«6 франков яйцо!» — разобрал, наконец, «Пакт».

«Очень дорого, — сказал он, — нельзя ли подешевле?» — он убежден был, что не больше 3-х франков; для него 6 фр<анков> также неожиданно, как «Гороскопу» его появление в такой час с тюльпанами.

«Гороскоп» обидчивый — потому что его обидели, так надо думать, и подозрительный, потому что его обманывали, впрочем, обидчивость и подозрительность всегда об руку. Она подумала, что «Пакт» с ней торгуется, подозревая ее в такой высокой цене, а не то, что ей за такую цену в кантине продали яйца.

Никаких яиц она не дала ему. И хотя «Пакт» повторял «подешевле», она не слушала: на нее вдруг нашла другая мысль: она прочтет свои стихи. И сейчас же опростала стул. И «Пакт» плюхнулся в мокрое, но опять не расстегнул пальто — и магия орден так и осталась без употребления.

«Гороскоп» читал свои стихи о Ахилее и Артемиде.⁶⁴ Очень волновался, глотая слова и с перебивом. Понять что-нибудь очень трудно. Гул ее голоса окутывал его сердце живее всяких слов.

Когда она кончила, он, как в высшей степени деликатный, он — Рериховский министр народного просвещения, не желая больше беспокоить «княжну», поднялся с мокрого стула, но вместо «проникновеннейшего» простите, опять-таки от смущения, — влюбленные и до Шекспира всегда глупеют — о стихах ни слова, а за старое, про яйца: он почтительнейше просит известить его, когда подешевеют.

И это последнее яичное слово взорвало ее: переход от Артемиды к подешевелым яйцам, все равно, что по голове треснуть — так она и будет ему еще и письма писать о яйцах.

Он вышел на улицу, ему показалось лето, а было очень холодно. Очарованный, он сочинял себе, как она смотрела на него, читая, и как в ее неразборчивых словах читал он ясные свои слова, подставляя в раздраженную, едва различимую, жесткую речь, нежные слова любви.

И только переходя мост Мирабо,⁶⁵ он расстегнул пальто — и без всякого фонарика путь его был чист: все ордена сияли, а персидская зеленая лента вилась перед ним весенней муравой.

«Серая улитка», — повторял он, а больше слов не складывалось, так горячо они плыли в его слепом влюбленном воображении.

В этот вечер «Пакт» был самый счастливый в затолоченном Париже — в нашей рабьей доле.

Есть такая привычка, «яканье». Когда говоришь: мне холодно — жди ответа, но только не о себе. Вместо того, чтобы сказать — «что придумать, чтобы вам было тепло», — говорят: «а мне не холодно!» Точно также и про еду на мое: «я этого не могу есть» — вместо «что же бы вам съесть?» — говорят: «А я это ем».

А есть повадка, а может обратиться в привычку: чуть что и сейчас же писать письмо.

На другой же день после тюльпанного визита, «Пакт» получил от «Гороскопа» письмо. Письмо, как и надо ожидать, о яйцах, но не о том, что яйца подешевели, а как он мог подумать так о ней, прося «подешевле».

«Пакт» сейчас же почтительнейше ответил, что и мысли не было торговаться, но 6 франков за яйцо вместо 3-х, для него было неожиданно и ему недоступно.

Он надеялся получить ответ. Но ответа не последовало. Он ждал неделю — ничего. «Серая улитка» в последний раз показала свои рога, они были как ножи, какие острые! и навсегда скрылась под яйцом — 6 франков штука.

«Пакту» ничего не оставалось, как только помириться со своей судьбой: рериховский министр народного просвещения, а раскроется самозванство Рериха, «министр иностранных дел» в правительстве Таубе, и он с горя записался в «резистанс».⁶⁶

И те же самые яйца, которые толкнули в «резистанс» разбитую мечту «Пакта», навязчиво пристали к «Гороскопу» — а ведь это тоже ее затаенная обида и только приняла форму яйца.

Вместо космических и вещей снов ей стали сниться яйца: всяких видов и всяких размеров, от блошиного до яиц дельфийского Клеодиса.⁶⁷ Сперва они просто болтались в глазах, потом спустились к самому ее носу и игриво, как на елке золотые, висели пучась всю ночь.

От блох есть средство — порошок, его привезут американцы, но от этих воздушных яиц — 6 франков штука? И все свалилось на меня. Это я все подстроил и с одной целью, здорово живешь, посмеяться. И не день, не месяц, а год «Гороскоп» носил на сердце яйцо против меня. И больше никогда не принесет к нам в нашу беду «свинячий» корм, где часто не было и не «свинячьего».

От Листина я слышал, как мучается яйцами «Гороскоп», во всем обвиняя меня, я понимаю, и от всего сердца мне было жалко «Гороскоп». А кто же смеется над тем, кого жалко? А сколько смешного в жизни даже в такой, как наша, мы больше не видим ночного неба — звезд!⁶⁸

¹ Вверху первого листа сохранившегося автографа указано первоначальное, впоследствии зачеркнутое название рассказа — «Судицы-вестуньи» (в славянской мифологии аналог древнегреческих богинь судьбы — Мойр; см. использование этого образа в повести Ремизова «Григорий и Ксения»). Фигли-мигли (от *польск.* figli migli) — проделки, шутки, уловки.

² Одолева Милица Васильевна — парижская знакомая Ремизова.

³ Ковалевская Ольга Федоровна (ремизовские прозвища: «Слепышка», «Листин») — художница. В годы оккупации входила в круг близких друзей Ремизовых, одна из героинь книги «Мышкина дудочка».

⁴ Африканский доктор — ремизовское прозвище. Имеется в виду Унковский Владимир Николаевич (1888–1964) — врач, журналист, писатель, близкий друг Ремизова.

⁵ Сургучев Илья Дмитриевич (1881–1956) — писатель. В эмиграции с 1920 года, жил в Париже.

⁶ Одарченко Юрий Павлович (1903–1960) — поэт, художник. Эмигрировал в 1920 году. В Париже занимался интерьерным дизайном.

⁷ Полицейский (от *фр.* agent).

⁸ Госпиталь (больница) Бусико (L'hôpital Boucicaut), расположенный в XV округе Парижа, был открыт в 1897 году на средства, переданные Маргаритой Бусико, вдовой известного французского предпринимателя Аристида Бусико, основателя и собственника универсама Au Bon Marché. Закрыт в 2000 году.

⁹ Холмогорова-Кост Елена Николаевна (ремизовское прозвище «Нерпа») — близкая знакомая А. М. Ремизова, помогавшая писателю в последние годы его жизни.

¹⁰ «Чувствительная повесть», «короткая новелла, акцентирующая внимание на изображении любовного чувства и близкая жанру идиллии, была излюбленным жанром Н. М. Карамзина. О какой именно из его повестей здесь идет речь, неизвестно.

¹¹ Имеется в виду старейшая парижская газета «Figaro» («Фигаро»).

¹² Кламар (Clamart) — город и коммуна во Франции в 10 км к юго-западу от Парижа.

¹³ Сергиевское подворье (Paroisse Saint-Serge) — православный приход и культурный центр в Париже, расположенный в XIX округе на улице Крима (rue de Crimée).

¹⁴ Исси-ле-Мулино (Issy-les-Moulineaux) — город и муниципалитет во Франции, в регионе Иль-де-Франс, граничащий с Кламаром, в 4 км от Эйфелевой башни. С 1934 года город обслуживается двумя станциями 12 линии метро — Petits-Ménages (с 1945 года переименована в Corentin Celton) и Mairie d'Issy.

¹⁵ Речь идет о кладбище Пасси (Cimetière de Passy), расположенном недалеко от площади Трокадеро (Place du Trocadéro) в XVI парижском округе и известном как место захоронения французской аристократии. В частности, на кладбище похоронена художница М. К. Башкирцева (1858–1884). Ее мавзоль является также местом захоронения многих других членов семьи Башкирцевых-Бабаниных.

¹⁶ В «Дневнике мыслей» Ремизова есть упоминание о том, что периодически принимаемый писателем снотворный препарат гарденал «гасил» его сновидения и воспоминания; см. запись с 14 на 15 июля 1953 года: «Тройная доза гарденала (1+1+3) действует убийственно. На сонную память. В первый раз я не могу восстановить мою прошлую жизнь. Я спал ключом» (Ремизов А. М. Дневник мыслей. СПб., 2013. Т. 1. Май 1943 — январь 1946. С. 27).

¹⁷ Блаженная Кошатница или Акула — ремизовские прозвища соседки писателя по дому № 7 на улице Буало Анны Николаевны Поляковой. Она упоминается в «Мышкиной дудочке»: «На чтение заглядывает нижняя соседка Анна Николаевна, а когда-то выжилила вечер до „третьих петухов“, Блаженная, ее называли Кошатницей — шестьдесят покинутых котев кормила под виадуком на Микель-Анж...» (Ремизов А. М. Мышкина дудочка. С. 77).

¹⁸ Вероятно, подразумевается книга «Преддверие магии: гигиена тела и духа по оккультизму» (СПб., 1909), автором которой был известный дипломат, политический деятель, с 1922 года живший в Париже, Сергей Владимирович Тухолка (1874–1954).

¹⁹ Больничный центр Св. Анны (Le centre hospitalier Sainte-Anne) — психоневрологическая лечебница, расположенная в XIV округе Парижа.

²⁰ «Бирюлька» — ремизовское прозвище Э. М. Каплун-Walden, жены издателя С. Г. Капулуна.

²¹ «Утенок» — ремизовское прозвище Ольги Владимировны фон Дервиз. «В „Мышкиной дудочке“ А. М. часто говорит об Утенке. Внешность Утенка (Ольга Владимировна фон Дервиз) действительно напоминала игрушечного утенка, она была москвичка: „родилась в Лялином переулке“, была замужем за богатым обрусевшим немцем. В Париже она вышла замуж за деятеля кинематографа, после его смерти осталась одна, опустилась и стала пить. Во время „страды“ Ремизовых она часто бывала у них, но, когда после кончины С. П. она захотела поселиться у Ремизова на квартире, А. М. решительно отказал ей в этом. (Она обиделась и несколько лет не бывала на рю Буало. В 1947 году приятельницы-теософки, желая спасти ее, привели ее к Ремизову, и она стала вновь появляться. По инициативе Н. Кодрянской в 1954 году она поселилась у А. М., чтобы ухаживать за ним, и уже до самой его смерти оставалась там)» (Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. С. 145).

²² Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — российский государственный деятель, последний обер-прокурор Святейшего правительствующего синода, богослов, историк русской церкви. Один из членов-учредителей петербургского Религиозно-философского общества. В эмиграции с 1919 года.

²³ Успенский Василий Васильевич (1876–1930) — историк, богослов. Один из членов-учредителей петербургского Религиозно-философского общества.

²⁴ Имеется в виду Тенишевское училище — среднее учебное заведение в Санкт-Петербурге, в котором основное внимание уделялось естественно-научным предметам, а также коммерции и товароведению.

²⁵ Сувчинский (Шелига-Сувчинский) Петр Петрович (1892–1985) — публицист, музыковед, музыкальный и литературный критик. В эмиграции с 1918 года.

²⁶ Набоков Владимир Владимирович (1899–1977) — писатель, переводчик, литературовед. В эмиграции с 1919 года.

²⁷ Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (1892–1955) — юрист и публицист. В январе 1920 года эмигрировал в Париж, где позднее опубликовал значительное количество работ по международному праву на русском и французском языках.

²⁸ Предположительно, речь идет о французском термальном курорте Mont-Dore (букв. Золотая Гора), где, помимо горячих источников и открытых еще в первой половине XIX века термальных ванн, находился дворец Сарсирон (Sarciron), построенный к 1907 году и часто посещавшийся богатыми промышленниками, банкирами, известными художниками. В нем было более 300 комнат, обслуживавшихся более чем двумя сотнями сотрудников.

²⁹ Суханов Иван Николаевич (1887–1953) — предприниматель, благотворитель. С конца 1920-х годов владелец гастрономического магазина в русском центре на улице Отей (Auteuil) в XVI округе Парижа.

³⁰ Чижов Глеб Владимирович (1892–1986; псевд. Холмский) — типограф, библиофил и исполнитель романсов. В эмиграции работал шофером такси.

³¹ Ремизовское прозвище И. А. Бунина.

³² Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) — поэт, прозаик, переводчик. В эмиграции с 1920 года. В 1950 году за просоветские настроения депортирован из Франции. Жил в ГДР, затем вернулся в СССР.

³³ Неологизм восходит к фамилии знакомого Ремизова — писателя и литературоведа Александра Васильевича Вахраха (1902–1985).

³⁴ Т. е. договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников. Он стал первым в истории международным договором о защите культурного наследия. Был подписан в Вашингтоне представителями 21 страны Северной и Южной Америки 15 апреля 1935 года. В 1948 году Пакт одобрен правительством республики Индия.

³⁵ Кемпер (Quimper) — город во Франции.

³⁶ Парижский ресторан «Chez Korniloff» («У Корнилова») был расположен на улице d'Argmaillé и был популярным местом встреч русских эмигрантов.

³⁷ Насер ад-Дин Шах Каджар (1831–1896) — четвертый шах Ирана из династии Каджаров. В 1873 году посетил Россию.

³⁸ Ремизовское прозвище околоточного восходит к имени колдуна, пособника нечистой силы из повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купалы».

³⁹ Милоков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист, политик, один из основателей партии конституционных демократов. С 1921 года постоянно жил в Париже.

⁴⁰ Имеется в виду Андрей Владимирович Оболенский (1900–1975) — князь, друг Ремизова, находившийся в эмиграции с 1920 года.

⁴¹ Натурализация — юридический процесс приобретения гражданства на основе добровольного желания соискателя гражданства. В данном случае имеется в виду получение французского гражданства бывшим подданным Российской империи.

⁴² Денкерхен (*нем.* Dünkirchen, *фр.* Dunquerque) — укрепленный город на севере Франции.

⁴³ Речь идет о православной церкви Серафима Саровского, расположенной на улице Лекурб в XV округе Парижа.

⁴⁴ «Пискунок» — ремизовское прозвище поэта, литературного критика Георгия Викторовича Адамовича (1892–1972).

⁴⁵ Унбегаун Екатерина Даниловна (урожд. Верховская, ремизовское прозвище «Верховая») — соседка Ремизова, проживавшая в доме 7 на улице Буало этажом выше.

⁴⁶ Кантин (*фр.* cantine) — столовая.

⁴⁷ Парамант (параман, анклав) — «принадлежность монашеского одеяния, состоит из двойных перевязей, сплетенных из шерстяных ниток; спускаясь с шеи крестовидно, обнимает плечи и под мышками перепоясывает одежду. <...> Своей крестовидной формой параман означает тот крест, который инок берет на себя, чтобы следовать за Христом» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., [1913]. Т. 2. Стлб. 1760).

⁴⁸ После освобождения Парижа женщинам, обвиненным в коллаборационизме, в том числе работавшим в связанных с оккупантами учреждениях, в знак позора налысо брили голову.

⁴⁹ Ремизов жил в Киеве в 1904 году.

⁵⁰ Ремизов подразумевает «La Société des Gens de Lettres» (SGDL) — писательскую организацию, основанную в 1838 году, первоначально с целью защиты авторских прав, однако меняет *gens* на *gérants* (от *фр.* gérer — управлять, контролировать), в его интерпретации название «Общество литераторов» меняется на «Общество контролирующих литературу».

⁵¹ Имеется в виду Иван Павлович Кобеко (1892–?) — юрист, критик. До 1959 года жил в Париже, затем переехал в США.

⁵² Маковский Сергей Константинович (1877–1962) — поэт, художественный критик, редактор журнала «Аполлон». В 1920 году эмигрировал в Прагу, с 1925 года жил в Париже.

⁵³ Руманов Аркадий Вениаминович (1878–1960) — журналист, юрист, в 1918 году эмигрировал во Францию.

⁵⁴ Зелок Орест Григорьевич (1888–1950) — издатель, журналист, жил в Париже с 1921 года.

⁵⁵ Таубе Михаил Александрович (1869–1961) — российский юрист, историк, государственный деятель. С 1917-го — в эмиграции, с 1928 года жил в Париже, где преподавал в институтах Франции, Бельгии и Германии.

⁵⁶ Жеребков Юрий Сергеевич (1908 — не ранее 1980) — русский эмигрант, коллаборационист, издатель пронацистской газеты «Парижский вестник»; потомственный донской казак. В оккупированном немцами Париже он, будучи членом нацистской партии, возглавлял сначала Комитет взаимопомощи русских беженцев во Франции, а позднее — Управление по делам русских эмигрантов — организации, созданные немцами для контроля за русскими эмигрантами силами выходцев из их среды.

⁵⁷ Львов Лоллий Иванович (1888–1968) — поэт, прозаик, журналист, критик; в эмиграции с 1919 года.

⁵⁸ Отсылка к сюжетному эпизоду из «Мышкиной дудочки», где поклоннице Сергея Лифаря Листин удалось «чудом» получить доступ к своему кумиру, ограждаемому от фанатов его братом Леонидом.

⁵⁹ Намек на внешность А. В. Бахраха.

⁶⁰ От *фр.* alarme — тревога, аварийный сигнал.

⁶¹ См. выше, прим. 30.

⁶² На площади Мадлен (Place de la Madeleine) в VIII округе Парижа, справа от одноименной церкви, с 1880 года находился знаменитый Цветочный рынок.

⁶³ Подразумевается станция метро в XVI муниципальном округе Парижа, рядом с одноименной церковью.

⁶⁴ Речь идет о древнегреческих богах Ахелое — речном боге, сватавшемся к Деянире, но побежденном Гераклом, и Артемиде — вечно юной богине охоты и женского целомудрия, дающей счастье в браке.

⁶⁵ Мост Мирабо (Pont Mirabeau) — мост через Сену, соединяющий XV и XVI муниципальные округа Парижа. Благодаря стихотворению Г. Аполлинера «Le Pont Mirabeau» (1912) стал одним из символов уходящей любви, воспоминаний о давно прошедшем чувстве.

⁶⁶ Резистанс (от *фр.* Résistance, Спротивление) — организованное движение сопротивления Франции против оккупации нацистской Германией в 1940–1944 годах.

⁶⁷ Вероятно, имеется в виду скульптурное изваяние обнаженного юноши Клеобиса — героя греческой мифологии, сына жрицы Кибелы Кидиппы. В настоящее время эта античная статуя хранится в музее в Дельфах.

⁶⁸ Возможно, скрытая отсылка к знаменитому императиву Иммануила Канта: «Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас».

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-215-228

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ. ДНЕВНИК 1959 ГОДА

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© В. Л. ГАЙДУК)

«Дневники Б. Эйхенбаума полны размышлений о борьбе нового направления против академической науки, отчетов о литературных спорах, кратких рассказов о значительных встречах»¹ — такую характеристику дневникам ученого дал В. А. Каверин. Борис Михайлович Эйхенбаум начинает систематически вести дневник в 1910 году. В ранних записях (1905, 1910–1917 годов) мы находим воспоминания ученого о жизни в Воронеже, первые впечатления о Петербурге, описания новых знакомств и контактов. Авторский текст перемежается цитатами из классики (Овидий, Эсхил, В. Гете, О. Уайльд, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой и др.), записями стихотворений К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, В. А. Жуковского, Н. М. Минского, Ф. Сологуба, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, К. М. Фофанова и др., а также собственными литературными опытами.

В более поздних дневниках освещается деятельность ОПОЯЗа, характеризуется литературный процесс 1920–1950-х годов. Эйхенбаум подробно описывает свои встречи и беседы с А. А. Ахматовой, Л. Я. Гинзбург, В. М. Жирмунским, Ю. Н. Тыняновым, В. Б. Шкловским и др. Дневники раскрывают перед читателем внутренний мир ученого, лабораторию научной деятельности, процесс формирования интересов: становление формального метода, эстетических вкусов и политических взглядов. Помимо этого, в дневниках освещена текстологическая и историографическая работа над подготовкой к изданию собраний сочинений русских классиков; приводятся планы и наброски статей и монографий.

В 1980–1990-е годы был издан ряд дневниковых записей Б. М. Эйхенбаума: дневники за 1917–1918 годы, 1923-й, 1924-й и 1946 год, а также выдержки из дневников, посвященные изучению Л. Н. Толстого.² В настоящей публикации вниманию читателей предлагается дневник 1959 года — последнего года жизни Эйхенбаума. После многолетней травли, инфаркта, увольнения из Ленинградского государственного университета, Пушкинского Дома,³ конец 1950-х годов стал для Эйхенбаума по настоящему спокойным и благодатным для работы временем. Во второй половине 1950-х годов Эйхенбаум вновь обращается ко многим статьям, которые были закончены в конце 1940-х — начале 1950-х годов и не могли быть напечатаны из-за кампании по борьбе с космополитизмом.

В дневнике 1959 года он часто сетует на нехватку времени и сил: «...когда у белки уже зубов нет — отовсюду сыплются орешки», — но работу над книгами, комментариями,

¹ Каверин В. Эпилог. М., 1997. С. 9.

² См.: Эйхенбаум Б. М. Дневник. 1917–1918 гг. / Публ. и подг. текста О. Б. Эйхенбаум; прим. В. В. Нехотина // De visu. 1993. № 1. С. 11–27; Страницы дневника: материалы к биографии Б. М. Эйхенбаума. Дневник 1923–1924 гг. / Предисловие, публ. и прим. А. С. Крюкова // Филологические записки. Воронеж, 1997. Вып. 8. С. 230–251; 1998. Вып. 10. С. 207–224; Вып. 11. С. 207–220; Эйхенбаум Б. М. Дневник 1946 года // Петербургский журнал. 1993. № 1/2. С. 183–202; Работа над Толстым. Б. М. Эйхенбаум: Из дневников 1926–1959 гг. / Подг. С. А. Митрохиной // Контекст-1981. М., 1982. С. 263–302. Хотя в последней публикации заявлено, что она охватывает материалы и 1959 года, представленные в ней записи заканчиваются 1958 годом.

³ Подробнее обо всех перипетиях жизни Эйхенбаума в конце 1940-х годов см.: Дружинин П. А. Идеология и филология: В 2 т. М., 2012. Т. 2. С. 225–499.